

ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК НОВАЯ АГОРА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Блинова Олеся Александровна

Екатеринбургская академия современного искусства (620012, Россия, Екатеринбург, ул. Культуры, 3); Уральский государственный педагогический университет (620091, Россия, Екатеринбург, пр-кт Космонавтов, 26);

✉ olesyablinova79@yandex.ru

Горбунова Юлия Александровна

Московский университет им. С. Ю. Витте (115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, 12, стр. 1);

✉ gorbunovaua2008@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

молодежь, патриотизм, маргинальные политические практики, цифровое пространство, стратегии политической коммуникации.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Блинова О.А., Горбунова Ю.А. Цифровое пространство как новая агора: политические практики молодежи российских городов // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4. С. 102–108.

АННОТАЦИЯ:

В статье определяются и характеризуются основные цифровые политические практики российской молодежи, а также возможные исходы их влияния на коммуникацию в системе отношений «молодежь – власть».

Цифровое пространство рассматривается авторами как новая агора – пространство реализации молодежью маргинальных («гибридных», вирулентных, нелинейных) политических практик типа «черный лебедь» (Н. Талеб). Маргинальные политические практики молодежи исследуются в рамках антиредукционистского подхода, благодаря чему преодолевается сведение маргинального к ненормальному, дисфункциональному и периферийному. Авторы предпринимают попытку обосновать представление о маргинальных политических практиках современной молодежи как норме, константе и тренде городской среды. Исследование носит мультиметодный характер, основу которого составили: контент-анализ аккаунтов в социальных сетях, анкетный опрос молодежи (18–30 лет, $N = 420$) в различных субъектах Российской Федерации, таких как Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Севастополь и Республика Крым, Свердловская, Челябинская, Иркутская, Омская и др. области, Пермский и Красноярский края, а также методы теории игр.

В результате эмпирического исследования авторами выявлена вариативность согласования оценки маргинальных политических практик (одобрение/порицание) и самого практикования (использование/отказ от использования), что легло в основу авторской классификации стратегий политической коммуникации молодежи в цифровом пространстве.

Наличие данных стратегий и их практикование может быть санкционировано или не санкционировано государством, что может стать причиной конфликтной коммуникации в системе отношений «молодежь – власть».

Поставив перед собой цель выявить максимально эффективную стратегию для формирования конструктивной и продуктивной коммуникации власти и молодежи, где выбранный способ диалога устраивает обе стороны, мы опирались на теорию игр, а именно – на поиск равновесия в матричных бескоалиционных играх. Исходной посылкой исследования является тот факт, что участники рассматриваемой коммуникации не являются антагонистами, т. е. не нацелены на сценарий «проиграл – проиграл», а, напротив, нацелены на получение исхода «выиграл – выиграл», что и обусловило наш выбор расчета на основе теории матричной бескоалиционной игры.

Результаты исследования позволяют восполнить дефицит научного знания о маргинальных политических практиках молодежи, таких как *Digital Natives*, отказаться от каталогизации практик в пользу трендвотчинга и форсайта как основы управления политическими конфликтами – минимизации их деструктивных эффектов и максимизации конструктивного потенциала, а также более глубоко понять природу новых практик молодежного патриотизма, возникающих в условиях цифровизации политики и виртуализации городского пространства.

У древних греков существовало представление о том, что легитимность демократии находится в прямой зависимости от качества и уровня свободы общественной коммуникации. Только те законы и социальные нормы, которые прошли общественное обсуждение, окажутся эффективными и не вызовут отторжения.

Одним из условий реализации данного представления было наличие соответствующего пространства – агоры – для общественных обсуждений и дебатов, организованных согласно принципам взаимоуважения, равноправия, гуманизма и этики. А весь коммуникационный процесс опирался на четкую и корректную аргументацию. Только такая агора могла стать местом становления и развития коллективного социального разума и демократии.

Позже, в эпоху Просвещения, идеи демократии обогатились концепцией правового государства, принципом разделения властей и совокупностью гражданских прав и свобод, и мысль о том, что высшей инстанцией в обществе является свободная общественная коммуникация и общественное мнение, в целом только укрепилась.

Вместе со смысловым наполнением агоры менялось и ее местоположение: если в Греции это была центральная площадь полиса, затем – информационно-медийное пространство СМИ, то современная агора разместилась в пространстве интернета. Современная цифровая агора характеризуется децентрализацией, отсутствием вождей и абсолютной истины, представляя собой пространство, где благодаря логике гибкой адаптивности совершенствуются принципы демократического эгалитаризма и формируется глобальная виртуальная социальная коммуникация. При условии эффективной организации, исключая фейк, хейт, авторефе-

рентность и привилегированное положение власть имущих, цифровая агора может стать пространством становления и реализации гражданственности и патриотизма.

Классическая философская традиция, восходящая к Аристотелю, определяет понятие «гражданин» не только через принадлежность к «месту» – государству как территориальному единству, не только через общие, то есть одинаковые для всех граждан обязанности и повинности, но, прежде всего, через «участие в суде и власти» [1, с. 453]. Статус гражданина обусловлен не только формальной принадлежностью к государству: «действительность гражданского общества» (Г. В. Ф. Гегель) обеспечивается участием граждан в политике. Однако, если в понимании гражданства фокусировать внимание не на участии гражданина в жизни общества, а на правах и обязанностях, обладание которыми обеспечивает формальную принадлежность к числу граждан государства, но совсем не обязательно актуализируется в практике взаимодействия, то в этом случае гражданин *de jure* так и не превращается в гражданина *de facto*, «гражданство становится категорией статуса без действия, а гражданское общество – областью действия без практики гражданства» [2, с. 11].

Практика гражданства формируется как единство когнитивного, эмоционального, ценностного и деятельностного элемента, где именно последний является связующим звеном, актуализирующим гражданские качества. Благодаря деятельностной составляющей гражданства возможное становится действительным: личность не просто осознает собственную принадлежность к гражданскому обществу, оценивает и наделяет это знание ценностным смыслом, но и проявляет себя в качестве гражданина в действии, которое разворачивается непосредственно между людьми [3].

Аксиологическую основу практики гражданства составляет патриотизм. Д. С. Лихачев определял его как «благороднейшее из чувств... важнейшая сторона и личной, и общественной культуры духа, когда человек и весь народ как бы поднимаются над самими собой, ставят себе сверхлические цели» [4]. Свобода – это необходимое условие проявления созидающего начала личности – творца гражданских отношений, компонент гражданской идентичности личности. Патриотизм включает чувство «укорененности» в социальном мире, сопричастности социальным проблемам, гражданского долга, доверие, гражданское достоинство, чувство уверенности человека в собственных силах и в том, что

© DeAgostini/Getty Images

Рис 1. Площадь Агора в античных Афинах.

Молодежь как *Digital Natives* формирует в цифровом пространстве целый пласт практик городского патриотизма

только объединение своих действий и действий других позволит добиться результатов в разрешении актуальных задач и проблем. Поэтому патриотизм не совместим с равнодушием человека к проблемам, выходящим за рамки его повседневных забот, с ориентацией человека на достижение своих индивидуальных целей без учета того, какие последствия это будет иметь для других людей. Так, по мнению В. М. Межуева, патриотизм способствует становлению гражданской ответственности, понимаемой как «мера способности человека жить не только в семье и собственном доме, но вместе с другими и ради других», которая «определяется... реальной способностью преодолеть ограничения бездушного индивидуализма или „стадного“ коллективизма» [5, с. 309]. В результате, опираясь на известный философский тезис о двух жизненных ситуациях – «иметь» и «быть» (Г. Марсел, Э. Фромм, А. Турен), гражданина можно определить как создателя, а не потребителя общественной ситуации, нацеленного на ее качественное улучшение.

Современную ситуацию можно описать как ситуацию постполитики и постнормальности, где формирование гражданской ответственности и развертывание политической коммуникации происходит в цифровом пространстве, выполняющим роль новой агоры. Цифровизация сферы политического обуславливает вхождение в нее различных социально-демографических групп. Молодежь как *Digital Natives* наиболее активно проявляет свою политическую и об-

щественную деятельность в цифровом пространстве, формируя в нем целый пласт практик городского патриотизма. Наличие существенного разрыва между поколениями *Digital Natives* и *Digital Immigrants* приводит к тому, что молодые люди, переосмысливая свою вовлеченность в политическую жизнь страны, зачастую отвергают традиционные политические институты и инструменты, вырабатывают и апробируют «экспериментальные», неформальные практики политического участия.

Данные практики имеют маргинальный (неинституциональный, трансграничный или «гибридный») характер [6]. Маргинальность рассматриваемых практик характеризуется виртуальностью и нелинейностью, взаимопроникновением физического и виртуального пространств, что затрудняет прогнозирование возможных исходов их реализации. При этом сегодня маргинальность как характеристика политического из *rare case* трансформируется в тренд. Данное предположение подтверждается идеями отечественных исследователей, отрицающими бинарный подход к осмыслению маргинальности.

Так, профессор Самарского университета Ю. А. Разинов полагает, что в условиях постмаргинальности мир превращается в сеть с подвижными, пересекаемыми границами и нелокализуемым центром, а основания различия маргинального и магистрального размываются и утрачиваются [7]. С точки зрения С. П. Гурина, маргинальность есть экзистенция бытия человека, обуславливающая многомер-

ность, нелинейность и децентрализованность социального пространства [8]. В свою очередь политическая маргинальность мыслится в рамках традиционного противопоставления системы, властного влияния и включенности в процесс принятия легальных политических решений, с одной стороны, и оппозиции, эксклюзии, с другой [9]. Причем политическая маргинальность постепенно становится нормой, не временным, переходным, но непрерывным состоянием политически активной молодежи российских городов, что актуализирует проблему оценки рисков, возможностей, потенциала (как деструктивного, так и конструктивного) реализации молодежью маргинальных политических практик в цифровом пространстве – новой агоре.

Проанализировав цифровой след пользователей социальных сетей, мы выделили следующие виды цифровых практик молодежи:

- политический краудсорсинг и электронные петиции;
- троллинг и холивар;
- фейк-ньюс;
- стримы, посты и репосты с использованием хештегов и стикеров;
- участие в интернет флешмобах и цифровых дистанционных митингах.

Выделенные практики соотносятся с ключевыми характеристиками молодежи как *Digital Natives*, а именно – формирование в молодежной среде культуры просьюмеризма, соучастия, распространение новой модели создания знания и получения опыта путем объединения талантов (крауд- и вики-), ориентации на горизонтальные связи и низовую инициативу, восприятие сверстников как экспертов и включение в коллаборации по принципу DIWO (англ. *do it with others* «сделай с другими») или DIT (англ. *do it together* – сделайте вместе). Дру-

гими словами, для молодежи приоритетным является возможность открытого участия в процессе принятия управленческих решений, поскольку сообщество информированных граждан как целое может в большей степени способствовать развитию политики, чем закрытая группа носителей политических решений, хотя последние «квалифицированной» [10]. Конструктивность политического участия молодежи заключается в поиске креативных ходов, умении собрать эффективную команду, знании реальных потребностей граждан. Результаты реализации политических практик, возникающие в ходе их реализации идеи участники молодежных групп выкладывают в открытый доступ, где с ними могут ознакомиться другие, использовать их и даже извлекать выгоду.

Авторами был проведен опрос российской молодежи (18–30 лет, $N = 420$) из Москвы, Санкт-Петербурга, Севастополя, областных и краевых центров России, Республики Крым, направленный на выявление общей политической активности молодежи, степени одобрения, опыта применения и ценностного основания выбора тех или иных маргинальных политических практик. Полученные результаты подтверждают выбор интернет-пространства сценой политического участия молодежи (рис. 2).

Используя интернет-пространство для выражения своей гражданской позиции, молодые люди допускают выражение в интернете гражданской позиции другими людьми и установление с ними коммуникации.

«Где молодёжь, по вашему мнению, наиболее активно проявляет свою политическую и общественную позицию?»

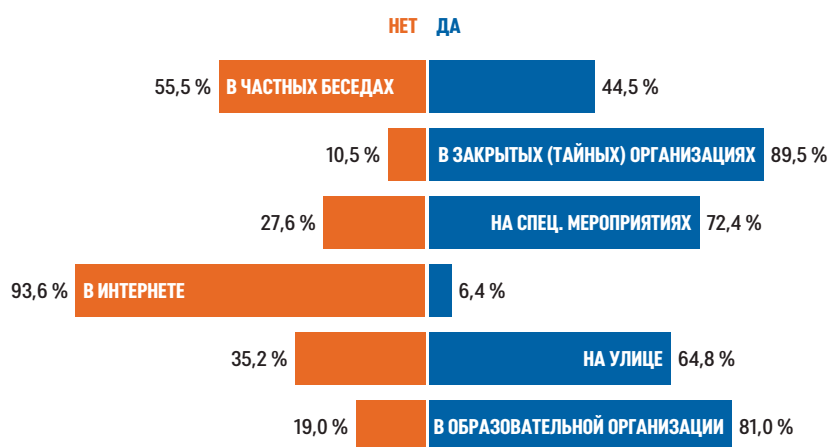

Рис. 2. Пространство политической активности молодежи.

Тем не менее, результаты опроса позволили обнаружить противоречие между готовностью и одобрением политического участия в цифровом пространстве и реальным участием молодежи. Так, 65 % опрошенных считают себя политически активными, одобряя обозначенные политические практики (кроме хохливар и фейк-ньюс как изначально деструктивных), но при этом более 70 % респондентов не используют и не планируют использовать ни одну из этих практик (рис. 3).

Мы полагаем, что противоречие между потенциальной готовностью и реальной пассивностью политического участия молодежи порождается неравным доступом к принятию управленческих решений, репрессивным характером правового регулирования маргинального поведения молодежи и дефицитом культуры политического диалога. В то же время в среде политически активной молодежи формируется запрос на пре-

одоление ограничений выражения собственной политической позиции и осуществления политического участия. Игнорирование политической позиции молодежи, отказ ей в участии в управлении городом активизируют протестные настроения молодых людей, актуализируя проблему прогнозирования результатов протестов.

Учитывая отношение одобрения респондентами указанных практик, а также опыт их реального практикования, мы сформулировали четыре основные стратегии политического поведения молодежи (табл. 1).

1. *Позитивно-активистская стратегия* (14 % опрошенных – «одобряю и использую»), характеризующая активное влияние молодежи на сферу политического.

2. *Стратегия активного избегания* (38 % опрошенных – «не одобряю и не использую»), сторонники которой отрицательно относятся к маргинальным практикам политического участия молодежи и, возможно, используют иные, например, одобренные государством, способы проявления гражданственности и патриотизма.

3. *Пассивная, но потенциально активистская стратегия* (48 % опрошенных – «одобряю, но не использую»). Молодые люди, предпочитающие данную

Таблица 1 – Стратегии политического участия молодежи в цифровом пространстве

Стратегия	Число ответивших
Позитивно-активистская стратегия	58
Стратегия активного избегания	160
Пассивная, но потенциально активистская стратегия	201
Негативно-активистская стратегия	1

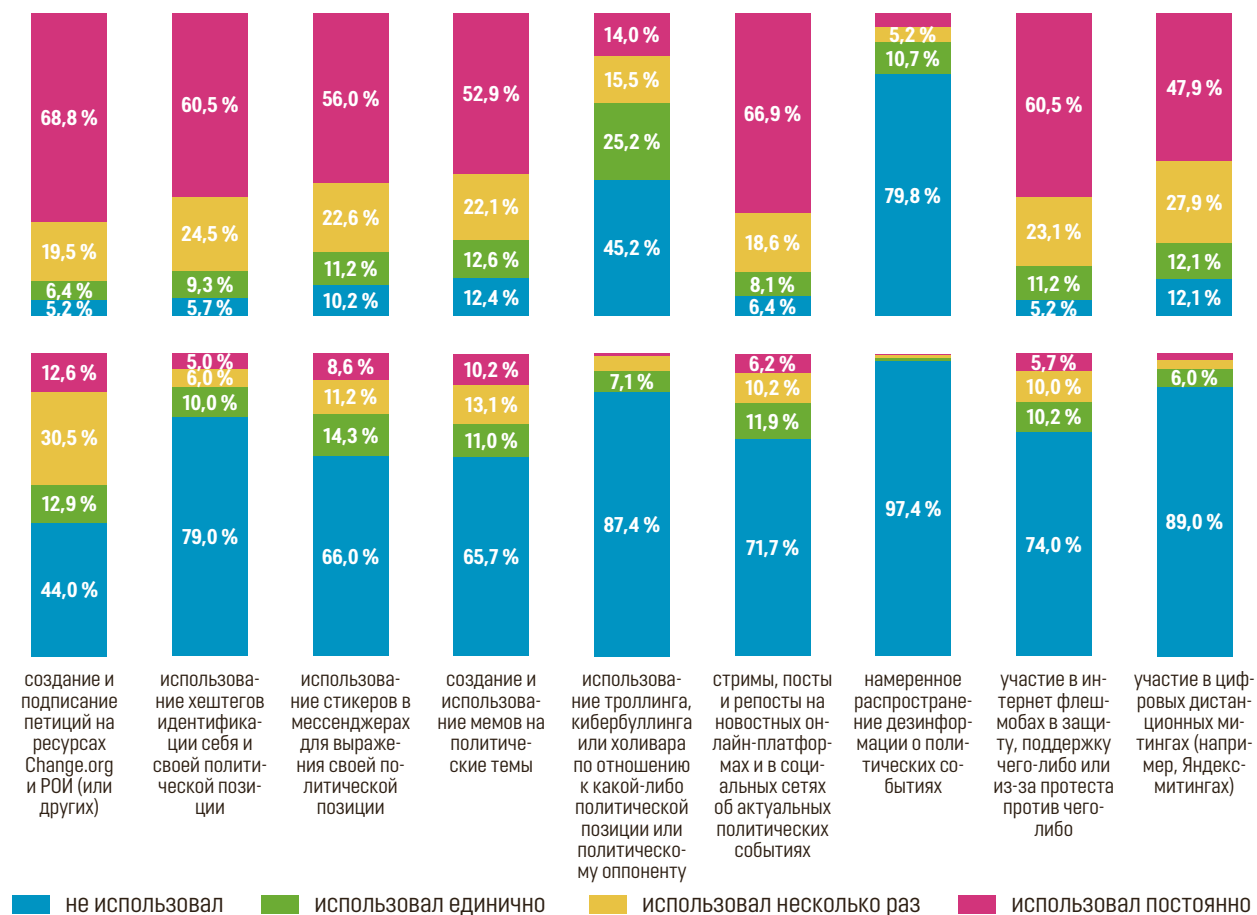

Рис. 3. Отношение к использованию маргинальных политических практик (наверху) и опыт их использования (внизу)

стратегию поведения, рассматривают себя как активных участников политической коммуникации, но в силу различных обстоятельств не решаются эту активность реализовать.

4. *Негативно-активистская стратегия* (0,2% опрошенных – «не одобряю, но использую») характерна для конформно настроенной молодежи, не желающей вступать в конфликт со своим окружением, либо, если выбор практики идет «сверху», например, от руководства организации, может быть вынужденной стратегией.

Опираясь на теорию бескоалиционных матричных игр, мы попытались рассчитать наиболее эффективную стратегию коммуникации «молодежь – власть», результатом которой станет ситуация «выиграл – выиграл». Так как возможности «опросить» государство мы не имеем, то, опираясь на результаты со-

циологического исследования ВЦИОМ и Левада-центра (организация, признанная экстремистской и выполняющей функции иностранного агента), мы выделили две стратегии оценки политического участия молодежи государством, как законного и незаконного, с коэффициентами 0,7 и 0,3 соответственно. Для расчета мы пользовались формулой минимакса:

$$\alpha = \max_i \alpha_i = \max_i \min_j a_{ij} \quad (1)$$

благодаря которой может быть выбрана эффективная стратегия поведения и принято оптимальное решение, удовлетворяющие обоим участникам взаимодействия и позволяющие получить им максимальный выигрыш от ситуации. Результатом нашего расчета стала пассивная, но потенциально активистская стратегия, то есть коммуникация «молодежь – власть» будет максимально конструктивной и

эффективной при условии соблюдения всеми участниками требований законодательства.

Маргинальные практики городского патриотизма являются одним из новых инструментов выражения политической позиции молодежи в мало институционализированном социальном цифровом пространстве. И данный инструмент в зависимости от аксиологической направленности может обладать в том числе и воспитательным потенциалом для формирования ответственного цифрового поведения городской молодежи. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что ключевыми ценностными ориентирами для молодых горожан являются преданность группе и благополучие ее членов, стремление быть надежным и заслуживающим доверие членом группы, свобода в определении своего поведения. Для них харак-

терны, с одной стороны, просоциальные стремления и преобладание реакции группирования, а с другой – стремление к независимости по отношению к другим сообществам, слабая поддержка культурных, семейных и религиозных традиций.

Одной из перспектив исследования практик городского патриотизма *Digital Natives* может стать разработка модели фор-

мирования ответственного политического поведения молодежи в цифровом пространстве, и на этой основе – создание игрового приложения, позволяющего алгоритмизировать политическую активность молодежи в цифровой среде на основе аргументированного обоснования закономерного результата конкретного выбора субъекта и группировки предполагаемых

исходов по модальности последствий для использующего практику человека. Игровое мобильное приложение как инструмент формирования ответственного политического поведения в цифровом пространстве конгруэнтен интересам молодежи и трендам геймификации и эдьютейнмента, обладает выраженной эффективностью и воспитательным потенциалом. ■

ИСТОЧНИКИ:

- [1] Аристотель. Политика. Сочинения : в 4 т. / пер. с древнегреч. ; общ. ред. А. И. Доватура. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644.
- [2] Ку А.С. (2003). Парадокс-гражданское общество без гражданства // Социс. № 12. С. 11–20.
- [3] Семенова Ю.А. (2012). Гражданская идентичность личности в глобализирующемся мире (философско-антропологический аспект) : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Челябинская государственная академия культуры и искусства. Челябинск. 129 с.
- [4] Лихачев Д.С. (2006). Патриотизм и национализм. Малые народы // Избранное. Мысли о жизни, истории, культуре. М. URL: <http://www.elbrusoid.org/content/vzglyad/p330368.shtml> (дата обращения: 15.09.2021).
- [5] Резник М.Ю. (2010). Человек гражданский: проблема идентичности // Вопросы социальной теории. Т. 4. С. 305–325.
- [6] Blinova O., Gorbunova Yu. Value foundations of marginal political practices of youth. In: Proceedings XVI International Scientific and Practical Conference «State. Politics. Society». DOI: 10.1051/shsconf/20219403017.
- [7] Разинов Ю.А. (2020). Состояние постмаргинальности // Международного журнала исследований культуры. № 1. С. 6–21. DOI: 10.24411/2079-1100-2020-00001.
- [8] Гурин С.П. Маргинальная антропология // Anthropology.ru. 04.06.2004. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/gurin-sp/marginalnaya-antropologiya> (дата обращения: 20.09.2021).
- [9] Блинова О.А., Горбунова Ю.А. (2021). Стратегии политической коммуникации молодежи в цифровом пространстве: возможные исходы // Вопросы управления. № 3 (70). С. 20–34. URL: <https://journal-management.com/issue/2021/03/02> (дата обращения: 17.09.2021). DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-20-34.
- [10] Плотицкина Н.В. (2013). Просьюмеризм как политическая практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. № 3. С. 66–79. URL: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/6203> (дата обращения: 22.09.2021).
- [11] Протестные настроения россиян: мониторинг // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/protestnye-nastroeniya-rossiyan-monitoring> (дата обращения: 22.09.2021).
- [12] Волков Д. Протестная активность // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/03/protestnaya-aktivnost-5/> (дата обращения: 22.09.2021).

DIGITAL SPACE AS A NEW AGORA: POLITICAL PRACTICES OF YOUTH IN THE RUSSIAN CITIES

ABSTRACT:

The article defines and characterizes main digital political practices of the Russian youth, as well as the possible outcomes of their influence on communication in the “youth – power” relations system.

The digital space is considered by the authors as a new agora – a space for young people to implement marginal (“hybrid”, virulent, nonlinear) political practices such as “black swan” (N. Taleb). Marginal political practices of the youth are explored in the context of anti-reductionist approach, due to which the reduction of

AUTHORS' INFORMATION:

Olesya A. Blinova

Ekaterinburg Academy of Contemporary Art (3, Kultury St., Ekaterinburg, 620012, Russia);

Ural State Pedagogical University (26, Kosmonavtov Blvd, Ekaterinburg, 620091, Russia)

✉ olesyablinova79@yandex.ru

Yuliya A. Gorbunova

Moscow Witte University (12/1, 2nd Kozhukhovskiy proezd, Moscow, 115432, Russia)
✉ gorbunovaua2008@yandex.ru

KEYWORDS:

youth, patriotism, marginal political practices, digital space, political communication strategies.

FOR CITATION:

Blinova O.A., Gorbunova Yu.A. (2021). Digital space as a new agora: political practices of youth in the Russian cities, *Municipality: Economics and management*, no. 4, pp. 102–108.

the marginal to the abnormal, dysfunctional and peripheral is overcome. The authors attempt to substantiate the perception of marginal political practices of modern youth as a norm, constant and trend of the urban environment. The research is of multi-method nature, the basis of which was: content analysis of accounts in social networks, a questionnaire survey of young people (18–30 years old, $N = 420$) in various RF entities, such as Moscow and the Moscow region, St. Petersburg, Sevastopol and the Republic of Crimea, Sverdlovsk, Chelyabinsk, Irkutsk, Omsk and other regions, Perm and Krasnoyarsk territories, and also game theory methods.

As a result of empirical research, the authors revealed the variability of the coordination of marginal political practices assessment (approval/censure) and the practice itself (use/refusal to use), which formed the basis of the authors' classification of strategies for political communication of young people in the digital space. The presence of these strategies and their practice can be sanctioned or not sanctioned by the state, which can cause conflict communication in the "youth – power" relations system.

Having set ourselves the goal of identifying the most efficient strategy to develop the constructive and productive communication between the authorities and the youth, with the chosen dialogue method approved by both parties, we relied on game theory, in particular, on finding balance in matrix non-coalition games. The initial premise of the research is the fact that the participants of the communication under consideration are not antagonists, i.e., they are not focusing on the "lose – lose" scenario, but, on the contrary, aim at the "win – win" outcome, which determined our choice of calculation based on the matrix non-coalition game theory.

The research results will contribute to filling the scientific knowledge gap on marginal political practices of the youth, such as Digital Natives, to abandon the practices cataloging in favor of trend-watching and foresight as the basis of political conflicts management – to minimize their destructive effects and maximize the constructive potential, as well as to better understand the nature of the new practices of the youth patriotism emerging under politics digitalization and urban space virtualization.

REFERENCES:

- [1] Aristotle. Politics. Works. In 4 volumes. Vol. 4. Translation from Ancient Greek. Moscow: Mysl, 1983. Pp. 375–644.
- [2] Ku A.S. (2003). Paradox civil society without citizenship, *Socis*, no. 12, pp. 11–20.
- [3] Semenova Yu.A. (2012). Civilian identity identity in the globalizing world (philosophical and anthropological aspect): Ph. D. thesis. Chelyabinsk State Academy of Culture and Art. Chelyabinsk. 129 p.
- [4] Likhachev D.S. (2006). Patriotism and nationalism. Small nations. In: Selected Works. Thoughts about life, history, culture. Moscow. URL: <http://www.elbrusoid.org/content/vzglyad/p330368.shtml> (accessed 15.09.2021).
- [5] Reznik M.Yu. (2010). Civil Man: Identity Problem, *Social Theory Issues*, vol. 4, pp. 305–325.
- [6] Blinova O., Gorbunova Yu. Value foundations of marginal political practices of youth. In: Proceedings XVI International Scientific and Practical Conference «State. Politics. Society». DOI: 10.1051/shsconf/20219403017.
- [7] Razinov Yu.A. (2020). The state of postmanginality, *International Culture Research Journal*, no.1, pp.6–21. DOI:10.24411/2079-1100-2020-00001.
- [8] Gurin S.P. Marginal anthropology. Anthropology.ru. 04.06.2004. URL: <http://anthropology.ru/text/gurin-sp/marginalnaya-antropologiya> (accessed 20.09.2021).
- [9] Blinova O.A., Gorbunova Yu.A. (2021). Political communication strategies of young people in the digital space: possible outcomes, *Management issues*, no. 3 (70), pp. 20–34. URL: <https://journal-management.com/issue/2021/03/02> (accessed 17.09.2021). DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-20-34.
- [10] Plotichkina N.V. (2013). Presumption as a Political Practice in a "Producer-Consumer Environment", *RUDN Journal of Sociology*, no. 3, pp. 66–79. URL: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/6203> (accessed 22.09.2021).
- [11] Footing sentiments of Russians: Monitoring, WTSIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/protestnyye-nastroeniya-rossiyan-monitoring> (accessed 22.09.2021).
- [12] Volkov D. Protest activity. Levada Center. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/03/protestnaya-aktivnost-5/> (accessed 22.09.2021).